Глава первая

Бабушкина теория эволюции

Кто-то щекотал меня за ушами и под мышками, я выгибала спину, оборачивалась полной луной и катилась по полу, хрипло повизгивая. Затем выставляла попу к небу, прижимала подбородок к груди и становилась лунным серпом. Я была еще слишком неопытна, чтобы осознавать опасность, так что без раздумий открывала задний проход навстречу космосу и ощущала его в кишках. Надо мной, конечно, посмеялись бы, заговори я тогда о «космосе», ведь я была еще такой маленькой, такой невежественной, такой новой в этом мире. Без пушистого меха я едва ли показалась бы любому чем-то крупнее младенца. Я еще не умела уверенно ходить, хотя мои лапы уже научились хватать и удерживать. Да, каждое неловкое переступание с лапы на лапу переносило меня чуть вперед, но можно ли назвать это ходьбой? Перед глазами все плыло, в ушах раздавалось гулкое эхо. Ничто из видимого и слышимого не имело четких контуров. Моя воля к жизни гнездилась в когтистых пальцах и на языке.

Язык помнил вкус материнского молока. Я брала в рот указательный палец человека, посасывала

его и успокаивалась. Волоски на внешней стороне человеческого пальца напоминали щетину обувной щетки. Он червяком вползал ко мне в рот, покалывая его изнутри. Затем человек толкал меня в грудь и вызывал на бой.

Утомленная игрой, я ложилась на живот, вытягивала перед собой лапы и укладывала на них голову, не желая менять положения до той минуты, когда меня снова покормят. В полусне я облизывала губы, на языке опять возникал вкус меда, хоть я и пробовала его лишь раз в жизни.

Однажды человек надел на мои стопы какие-то странные штуковины. Я попыталась стряхнуть их — ничего не вышло. Голым передним лапам стало больно, будто пол под ними покрылся шипами. Я подняла правую лапу, потом сразу левую, но не сумела сохранить равновесие и повалилась вперед. С прикосновением к полу боль возвратилась. Я оттолкнулась от пола, мое тело вытянулось вверх и назад, я смогла на несколько секунд удержаться в вертикальном положении. Не успев перевести дух, я опять упала, на этот раз на левый бок. Испытав боль, снова оттолкнулась от пола. Понадобилось много попыток, прежде чем я научилась балансировать на двух ногах.

Как же это тяжело — писать текст. Я уставилась на предложение, которое только что вывела, и у меня закружилась голова. Где я? Похоже, перенеслась в свою историю и отключилась от настоящего. Чтобы вернуться, я оторвала взгляд от рукописи, пере-

вела его на окно и сидела так, пока снова не оказалась здесь и сейчас. Но где это «здесь» и когда это «сейчас»?

Ночь становилась все непрогляднее. Я встала у окна гостиничного номера и посмотрела вниз на площадь, которая напомнила мне арену — вероятно, из-за пятна света вокруг горящего фонаря. Из темноты выскочила кошка и своими проворными шагами разрезала световой круг надвое. На площади царила прозрачная тишина.

Днем я участвовала в очередной конференции. Когда она закончилась, всех присутствующих пригласили на грандиозный банкет. Возвращаясь к себе в номер, я изнывала от жажды и потому, едва переступив порог, бросилась в ванную, отвернула водопроводный кран и стала жадно из него пить. С языка упорно не сходил маслянистый вкус кильки. В зеркале я увидела свекольные пятна вокруг рта. Вообще-то, я не люблю корнеплоды, но, если они плавают в борще, я готова их расцеловать. На фоне прекрасных блесток жира, которые будили во мне желание поесть мяса, кусочки свеклы смотрелись непреодолимо соблазнительно.

Я опустилась на диван, и его пружины заскрипели под моим весом. Сидя на диване, я вспоминала о прошедшей конференции, которая оказалась не менее скучной, чем все предыдущие, однако неожиданным образом вернула меня в детство. Тема сегодняшнего обсуждения звучала так: «Экономическое значение велосипедов».

У меня сложилось впечатление, что приглашенные на любую конференцию (а особенно деятели

искусства) полагают, будто их заманили в ловушку. Почти никто из участников никогда не хотел высказываться по доброй воле, а вот я величаво и бесстрастно поднимала правую лапу и просила слово. Присутствующие дружно таращились на меня. Я нисколько не робела — внимание публики было мне не в новинку.

Верхнюю половину моего тела, мягкую и округлую, покрывала роскошная белая шерсть. Стоило мне торжественно взмахнуть правой лапой и расправить грудь, вокруг меня возникали восхитительные блики света. Фокус смещался на меня, а столы, стены и люди тускнели и отходили на задний план. Волоски моего блестящего белого меха были прозрачными. Через шкуру солнечный свет проникал в мою кожу и оставался под ней. Цветом меха я обязана поколениям предков, которым он помогал выжить за Северным полярным кругом.

Так вот, если участнику конференции хотелось поделиться своими мыслями с остальными, первым делом он должен был добиться, чтобы его заметил председатель. Для этого требовалось поднять руку раньше других. Едва ли кто-нибудь из собравшихся сумел бы сделать это столь же быстро, как я. «Похоже, вы любите выражать свое мнение» — такой ироничный комментарий я однажды услышала в свой адрес. Помню, я нанесла ответный удар простой фразой: «Но ведь в этом и состоит основной принцип демократии, разве нет?»

Увы, на сегодняшней конференции я пришла к выводу, что подняла лапу вовсе не по своей свободной воле, а под действием рефлекса, который

ловко направил мою лапу вверх. Едва я осознала это, у меня закололо в груди, я поспешила прогнать боль и вернуться к своему ритму, который строится на такте в четыре четверти. Первый удар — сдержанное «пожалуйста» из уст председателя, второй — слово «я». Я щелкнула им по столу. С третьим ударом все слушатели проглотили слюну, а на четвертом я отважилась на мужественный шаг — отчетливо произнесла слово «думаю». Чтобы мелодия приобрела свинговое звучание, я, разумеется, делала акцент на втором и четвертом ударах.

Я не собиралась танцевать, но инстинктивно начала раскачиваться на стуле. Тот мигом включился в игру и с удовольствием заскрипел. Каждый ударный слог был как хлопок в бубен, который придавал ритм моей речи. Зрители завороженно внимали мне, позабыв о тревогах, тщеславии и самих себе. Губы мужчин невольно раскрылись, их зубы поблескивали кремово-белым, а с языков слюной капала разжиженная чувственность.

— Несомненно, велосипед — величайшее изобретение в истории нашей цивилизации. Велосипед — сокровище цирковой сцены, звезда экологической политики. В недалеком будущем велосипеды захватят крупнейшие города мира. И не только города, в каждом доме появится собственный генератор, подсоединенный к велосипеду. Люди станут крутить педали и одновременно вырабатывать ток. Можно будет сесть на велосипед и поехать с неурочным визитом к друзьям, вместо того чтобы заранее звонить им или посылать письмо. Когда мы начнем применять велосипеды мультифункцио-

нально, необходимость во многих электронных устройствах отпадет.

Я отметила про себя, что лица некоторых участников заволакиваются облаками недоумения, и продолжила более напористо:

— Мы станем ездить на велосипедах к реке и стирать там белье. Мы станем ездить на велосипедах в лес за дровами. Нам не будут нужны стиральные машины, мы сможем обогревать жилье и готовить еду без тока и газа.

Кое-кого из присутствующих мои рассуждения позабавили, и в уголках их глаз залегли морщинки смеха, в то время как лица других участников приобретали каменно-серый оттенок. «Все хорошо, — подбодрила я себя, — не робей! Не отвлекайся на скучных людей! Расслабься! Забудь о двуличной публике, которая сидит перед тобой, представь себе сотни радостно сияющих глаз и продолжай говорить! Это цирк. Любая конференция — это цирк».

Председатель недовольно кашлянул, будто желая показать, что не собирается плясать под мою дудку. Затем многозначительно переглянулся с сидящим по соседству бородатым чиновником. Я вспомнила, что председатель и этот чиновник входили в конференц-зал плечом к плечу. Чиновник, худой как щепка, был в тускло-черном костюме, хотя пришел вовсе не на похороны. Не попросив слова, он бесцеремонно затараторил:

— Отказ от автомобилей и возвеличивание велосипедов являют собой сентиментальный декадентский культ, который мы уже наблюдаем в ряде западных стран, например в Нидерландах. Однако

реальность такова, что обществу надлежит развивать именно культуру машин. Нам нужны рациональные пути сообщения между рабочими местами и местами проживания. Велосипеды рождают иллюзию, будто человек может в любое время поехать, куда ему вздумается. Культура велосипеда потенциально опасна для нашего мира.

Я подняла лапу, желая парировать его выпад, но председатель сделал вид, что не заметил этого, и объявил перерыв на обед. Молча покинув зал, я выскочила из здания, точно первоклассница на школьный двор.

В те времена, когда я ходила еще в подготовительную школу, я всегда первой выбегала из класса, едва начиналась перемена. Я уносилась в дальний угол двора и вела себя так, словно тот клочок земли значил для меня что-то особенное. На самом же деле это было ничем не примечательное место в тени инжирного дерева, куда бессовестные граждане тайком выкидывали мусор. Кроме меня, никто из детей не бывал там, и это меня очень даже устраивало. Как-то раз один из них притаился за инжирным деревом, дождался меня и в шутку атаковал со спины. Я перекинула его через плечо. Во мне всего лишь сработал инстинкт самосохранения, я не держала зла на этого мальчика, но, поскольку была сильной, он взмыл в воздух и больно шлепнулся оземь.

Позже я выяснила, что за глаза меня называют «остроморденькой» и «снежным ребенком». Я не узнала бы об этих дразнилках, если бы один из ребят не наябедничал мне. Делясь со мной секретом,

он вел себя так, будто находится на моей стороне, но, полагаю, на самом деле маленькому детскому сердцу было в радость причинить мне страдание. До нашего с ним разговора я никогда не задавалась вопросом, как выгляжу в глазах других детей. Форма моего носа и цвет шкуры были не такими, как у одноклассников. Осознать это мне позволили только клички.

Рядом с конференц-центром располагался тихий парк с белыми скамьями. Я нашла одну в тени и села отдохнуть. За моей спиной что-то журчало, неподалеку протекал ручей. Скучающие ивы снова и снова опускали тонкие пальцы в воду, и мне чудилось, будто они заигрывают с ней. На ивовых ветвях виднелись новые светло-зеленые листочки. Земля возле моих ног была рыхлой, но не из-за кротовьих ходов, а благодаря усилиям прорастающих крокусов. Особенно отчаянные из их числа брались подражать Пизанской башне. У меня зачесались уши. «Только не ковырять!» — напомнила я себе правило, которого никогда не нарушала, по меньшей мере в те времена, когда работала в цирке. Однако зуд вызвала не ушная сера, а пыльца и пение птиц, которые неутомимо выклевывали из воздуха шестнадцатые ноты. Розовая весна поразила меня своим внезапным приходом. Что за ухищрения помогли ей столь быстро и незаметно добраться до Киева с этой огромной делегацией птиц и цветов? Может, весна тайком готовилась к своему торжественному появлению на протяжении нескольких

недель? Или это я ничего не видела, потому что была занята зимой и та овладела моим сознанием? Я не люблю разговоры о погоде и потому часто не понимаю прогнозов, обещающих ее резкие перемены. Та пражская весна тоже стала для меня громом среди ясного неба. Стоило мне услышать название города Праги, мое сердце начинало биться быстрее. Кто знает, а вдруг в скором времени погода опять радикально изменится и я окажусь единственной, кто совершенно не подозревает об этом?

Мерзлая земля оттаивала и пускала слякотные слезы. Из чешущихся ноздрей выползали сопли. Из отекшей слизистой оболочки глаз пробивались слезинки. Другими словами, весна — время скорби. Некоторые утверждают, будто весна их омолаживает. Но тот, кто молодеет, возвращается в детство, и это может причинить ему страдания. Пока я гордилась тем, что первой высказываю мнение на каждой конференции, со мной все было в порядке. Я не хотела знать, каким событиям обязана своему быстрому движению лапой вверх.

Прозрение неумолимо впитывалось в мою голову, будто пролитое на скатерть молоко. От скатерти поднимался сладчайший молочный аромат, и я оплакивала свою весну. Детство покалывало язык горьким медом. Еду мне всегда готовил Иван. О матери я ничего не помнила. Куда она делась?

Тогда я еще не ведала, каким словом обозначаются мои конечности. Жгучие боли прекращались, если я отдергивала их, это было похоже на рефлекс. Од-

нако мне не удавалось сохранять равновесие долго. Я снова падала вперед. Едва эта часть тела соприкасалась с полом, мне опять делалось больно.

Я слышала, как Иван восклицает: «Ай, больно!», когда ударяется ногой о колонну или когда его жалит оса. Мне становилось понятно, что выражение «Ай, больно!» относится к некоему ощущению, которое испытывает человек. Я полагала, что при моем соприкосновении с полом боль чувствует пол, а не я. Пол, а не я должен был что-то предпринять, чтобы боль ушла.

Движимая болью, я отталкивалась от пола и поднимала верхнюю половину тела. При этом я вытягивала позвоночник как лук, но напряжение было запредельным. Я сдавалась и снова оказывалась на четырех точках опоры. Если я отталкивалась энергичнее, то плюхалась на спину или на бок. Страшно сказать, сколько тренировок мне понадобилось, чтобы простоять на ногах хотя бы несколько секунд!

После банкета я вернулась в гостиницу и дописала текст до этого предложения. Письмо давалось мне с трудом. Навалилась усталость, и я уснула прямо за столом. Проснувшись на следующее утро, я почувствовала, что постарела за ночь. Начинается вторая половина жизни. Будь я бегуньей на длинную дистанцию, это был бы поворотный пункт, в котором я должна была бы развернуться и взять курс обратно на линию старта. Боль кончится там же, где возникла.